

Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975, 190 стр.

Издательство «Наука» в последнее время выпустило несколько книг о культуре и истории Перу, страны, где в настоящее время проводятся большие социальные преобразования.

Рецензируемая книга рассчитана на широкий круг читателей; она не перегружена специальной терминологией и читается легко.

Во введении (стр. 3—15) кратко характеризуются источники и определяется задача книги — осветить некоторые важнейшие проблемы развития кечуа.

В первой главе «Современные теории и концепции по проблемам историко-этнического развития народа кечуа» (стр. 16—62) подробно излагаются основные направления зарубежной историографии об инках. Хорошо представлены взгляды основателя компартии Перу Хосе Карлоса Мариатеги на эти вопросы. Здесь же изложена противоречивая сущность латиноамериканского и перуанского индейнизма, критикуется культурно-политическое движение «латинидад», деятельность миссионеров и пр. Нам представляется, что в этой главе нужно было специально представить работы советских историков и этнографов на исследуемую тему. Здесь целесообразно было показать, что сделано В. К. Никольским и А. М. Золотаревым в довоенное время, Б. И. Шаревской и самим Ю. А. Зубрицким в 50-е годы. Несколько работ по изучаемой Ю. А. Зубрицким или близким темам увидели свет в 60-е и 70-е годы.

Во второй главе «Народ кечуа до испанского завоевания» (стр. 63—91) большое место (стр. 63—80) уделено социальной иерархии инкского общества, которое автор определяет как общество, переживающее переходный период от первобытнообщинного строя к рабовладельческому (этот вопрос уже анализировался Ю. А. Зубрицким и Б. И. Шаревской). Однако восприятие этого положения затрудняется, поскольку ниже (стр. 80) автор говорит, что полная победа рабовладельческого строя у инков не смогла бы произойти без еще одного «нового революционного переходного периода».

Несколько меньшее место (стр. 80—89) занимает изложение этнических процессов в древнем Перу. Видимо, автор правильно ставит на первое место в этих процессах создание обширного инкского государства, сопровождавшееся распространением кечуанской культуры и языка и восприятием инками ряда культурных достижений от соседей. В этом разделе показано, как разные социальные слои подчиненных народов и племен в разной степени поддавались кечуанизации. Автор считает инкскую экспансию прогрессивной на том основании, что она «несла с собой более высокий тип производственных отношений (либо более высокий уровень отношений того же типа) по сравнению с теми отношениями, которые существовали среди соседних племен и народов» (стр. 80—81). Это несколько упрощенный взгляд на сущность прогресса. Не следует забывать также, что «просветительской» миссией часто прикрывались колониальные захваты в прошлом, а сейчас в некоторых странах Южной Америки необходимостью «цивилизовать» индейцев оправдывается захват их земель. В этой главе можно было бы подробнее рассказать об этнической карте инкского государства, в частности, о кечуанских группах того времени.

В третьей главе «Народ кечуа в колониальный период» (стр. 91—134) описаны войны индейцев против конкистадоров, особенности феодализма в Андах и его влияние на этнические процессы. Интересно, хотя и дискуссионно замечание Ю. А. Зубрицкого о том, что в этот период у индейцев проявляется «общинное» самосознание, сущность которого заключалась в осознании общности происхождения, общности несправного положения и общности коренных интересов, отличных от положения и интересов колонизаторов и групп креольского населения (стр. 120). По мнению автора, это самосознание могло стать при определенных исторических условиях базой для проявления национального самосознания (стр. 121). В этой же главе описаны освободительные движения кечуа в XVIII в.; они, как полагает Ю. А. Зубрицкий, «явились завершающим фактором консолидации племенных групп в единую народность» (стр. 132).

Четвертая и последняя глава — «Проблемы историко-этнического развития народа кечуа от войны за независимость до наших дней» (стр. 135—178). Автор справедливо отмечает, что образование самостоятельных государств на месте бывших испанских колоний не принесло заметного улучшения социально-экономических условий индейцев. В главе описаны явления и процессы, которые ведут к уменьшению кечуанской народности. Вместе с тем Ю. А. Зубрицкий выделяет ряд признаков, которые, как он полагает, способствуют сложению единой кечуанской нации: растущая численность кечуа (их сейчас около 9 миллионов человек в разных странах), появление кечуанской буржуазии, общность языка и культуры у кечуа разных стран. Думается, что здесь можно было хотя бы поставить вопрос о возможности сложения кечуанских наций в пределах отдельных существующих государств. Очень бегло описана политическая история андских стран с середины XIX до середины XX в., не сказано о конфликтах между разными странами этого района, об отношении к ним индейского населения и о влиянии политических противоречий между разными странами на предполагаемое формирование

кечуанской нации. Раздел о национально-революционном движении кечуа в эпоху империализма и в современную эпоху (стр. 163—175) завершает главу. Современный этап в этом движении начинается с 30-х годов нашего века. Для него характерно постепенное слияние национального индейского движения с пролетарским и общедемократическим движением (стр. 169). Автор раскрывает роль компартий андских стран в этом процессе.

В заключение можно сказать, что Ю. А. Зубрицкий выполнил намеченную им цель — показал основные этапы истории кечуа и осветил некоторые важнейшие проблемы этой истории. В приведенной библиографии представлена цитированная литература, а также произведения, которые помогут читателю в дальнейшем изучении теоретических и конкретно-исторических проблем национальных отношений в андских странах.

Э. Г. Александренков

НАРОДЫ АФРИКИ

Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. М., 1975, 244 стр.

Пестрый, причудливый мир африканской сказки уже знаком советскому читателю. В нем действуют животные-герои, духи лесов и вод, могущественные колдуны, смелые охотники, мифические вожди и прародители племен. *На первый взгляд, перед нами еще одно доказательство всеобщности одних и тех же «интернациональных» сюжетов, которые мы находим в фольклоре Индии и Ирана, у индейцев Америки, в казахской или в русской сказке, разнящихся от остальных лишь именами героев, своеобразием места действия, атрибутами и т. п. Но так ли это?*

Вышедшая в издательстве «Наука» книга Е. С. Котляр показывает нам фольклор африканских народов (южнее Сахары) совсем с иной стороны. Последовательно, начиная с самых низших ступеней культуры, с фольклора бушменов, автор ведет читателя вверх по сложной лестнице мифологических и религиозных представлений различных африканских народов, отмечающих их развитие как в области общественных институтов, так и в познании причинно-следственных связей окружающего их мира. И по мере того как совершалось это внутреннее и «внешнее» развитие, наряду с ним, отражая его этапы, происходила незаметная эволюция устного творчества, представляя мифы далекого прошлого то в виде сказки, то — на более высоких ступенях — в виде героического эпоса, где на место личностного сознания выступает уже сознание общественное (стр. 157).

Проникновение за «внешнюю», литературную оболочку сказки (мифа) дало автору возможность систематизировать огромный практически неразработанный материал, представляющий воочию сложные онтологические процессы, протекавшие и сходно и различно у разных народов Африканского континента. Удачно совмещая в своем исследовании методику школы В. Я. Проппа, вскрывавшего в волшебной сказке и героическом эпосе пласты архайческих представлений, и Е. М. Мелетинского, подходящего к мифу (и фольклору в более широком понимании) с позиций системного исследования, Е. С. Котляр на материале африканского фольклора удалось восстановить своего рода «иерархию культов», поскольку «архайческие пласты мифологии (тотемические представления. — А. Н.) включаются в системы верований уже более высокого порядка — культы антропоморфных предков, обожествленных вождей и царей, политеистические пантеоны» (стр. 34, 35). Эта особенность африканского фольклора, столь же разнообразного, как язык, культура, быт и история племен, создавших его, оказывается совершенно исключительной для задач исторического литературоведения. Иными словами, перед нами одновременно проходят различные стадии одного и того же исторического процесса, который исследователями современного европейского фольклора может быть только постулирован. Так, если в фольклоре развитых народов, имеющих достаточно давние, многовековые государственные традиции, обычный герой животной сказки оказывается всего лишь трикстером, не выдающим своего тотемического происхождения, то «на африканском материале эта генетическая внутрижанровая связь, общая для мирового фольклора, прослеживается очень четко и конкретно благодаря стадильной многослойности африканского фольклора и наличию множества переходных форм — от архайческих к более поздним» (стр. 126).

Однако возможно ли просто рассматривать эволюцию жанров в виде постепенного перехода сюжета с низшей стадии на высшую, в результате чего сам сюжет трансформируется, меняя свою окраску, направленность, теряя прежнее и приобретая иное смысловое содержание? Если говорить о чисто литературном процессе, как по большей части его рассматривает автор, подобное допущение правомочно. Так, если сказки бушменов рисуют нам образ жизни, организацию, этические представления охотников и собирателей, причем тотемические представления выступают здесь в неприкрытом виде, то уже у народов веда, шоа, дион, догонов те или иные животные (прежние тотемы?)